

Ю. Н. ЧУМАКОВ

СОСТАВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

П. А. Катенин писал Пушкину о второй главе «Евгения Онегина»: «Замечу себе однако., что по сие время действие еще не началось; разнообразие картин и прелесть стихотворения, при первом чтении, скрадывают этот недостаток, но размышление обнаруживает его; впрочем его уже теперь исправить нельзя, а остается тебе другое дело: вознаградить за него вполне в следующих песнях»¹. Но Пушкин не «вознаградил» ни Катенина, ни многих читателей, ищущих в романе прежде всего развитой фабулы. План событий не развернулся и не развязался.

Необычное построение «Евгения Онегина» и не до конца проясненный замысел автора послужили почвой для многих предубеждений, одно из которых заключается в том, что роман не окончен. В подтверждение этого группируются известные факты². Приводят слова В. Г. Белинского о «романе без конца», хотя критик несомненно имел в виду открытую композицию романа.

Убеждение в неоконченности «Евгения Онегина» постепенно укреплялось. «Находка десятой главы показывает, что роман из восьми глав является в сущности незаконченным»³. В наше время этот взгляд воздействует на приемы подачи

¹ Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII. М., изд-во АН СССР, 1937, стр. 269. В дальнейшем все цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием на том и страницу.

² Советы Плетнева, Жуковского, Вяземского и др. продолжать роман; наброски стихотворных ответов Пушкина; его замечание в предисловии к изданию первой главы: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено» (VI, 638) и т. п.

³ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 2. М., 1929, стр. 443.

текста⁴, на исследование, комментирование и переводы романа⁵, на попытки реконструировать отдельные его главы (бывшую восьмую и так называемую «десятую»)⁶, на концепции школьных пособий и методические рекомендации. «Концовки нет, «роман остался без конца», так как Пушкин думал продолжать роман и многое сделал в этом направлении, но не окончил его, что отнюдь не снижает ценности написанного, его полноты и художественности»⁷.

Через все пушкиноведение проходит и другое мнение, согласно которому «Евгений Онегин» завершен и окончен. «Произведение это представляет собой внутренне согласованное единство во всех частях, и это несмотря на изменение его плана в процессе работы»⁸. «Евгения Онегина» следует рассматривать именно как единое, цельное произведение, пронизанное единой концепцией»⁹. Оконченность предполагалась в восьми главах. «В последней редакции завершающей главой оказалась восьмая»¹⁰.

Это мнение, вероятно, давно возобладало бы, если бы не содержало внутренних противоречий. Не всегда различались завершенность и оконченность. Поиски смысла оконченного романа происходили преимущественно в области творческого замысла Пушкина.

Многие исследователи считают, что «под давлением цензурно-политических условий поэт вынужден был нарушить замечательную архитектурную стройность целого»¹¹, что «роман, как он был опубликован Пушкиным в составе восьми глав, не без основания представлялся многим неоконченным»¹². Отсюда следует вывод: «...восемь глав романа — это искусственно свернутая, неполная редакция его»¹³. Подобные

⁴ В большинстве изданий роман печатается вместе с «десятой главой», после которой иногда ставятся даты работы над романом: 1823—1831. Возникает полное впечатление постепенного распада текста.

⁵ Объем статьи не позволяет привести здесь многочисленных отсылок по указанным пунктам.

⁶ См. напр.: И. Дьяконов. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». — Русская литература, 1963, № 3, стр. 37—61.

⁷ Г. Е. Амитиров. Изучение поэтов в школе. М., Учпедгиз, 1962, стр. 64.

⁸ Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., изд-во АН СССР, 1961, стр. 514.

⁹ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., ГИХЛ, 1957, стр. 139. Подобные суждения можно прочесть у многих критиков и исследователей, начиная от В. Г. Белинского и кончая С. М. Бонди.

¹⁰ И. Семенко. Эволюция Онегина (к спорам о пушкинском романе). — Русская литература, 1960, № 2, стр. 124.

¹¹ Д. Благой. Мастерство Пушкина. М., «Советский писатель», 1955, стр. 198.

¹² Его же. «Евгений Онегин». В кн.: А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 т., т. 4. М., ГИХЛ, 1960, стр. 528.

¹³ Г. А. Гуковский. Ук. соч., стр. 244.

суждения вольно или невольно отводят от анализа окончательного произведения в сторону поисков гипотетически возможного текста, то есть фактически примыкают к версии о неоконченности «Евгения Онегина».

Все вышеприведенное свидетельствует о многих неясностях и позволяет еще раз поставить вопрос о составе художественного текста пушкинского романа.

* *
*

Признание окончательности романа в восьми главах неправильно оставляет за пределами основного текста «Отрывки из путешествия Онегина». Их почти единодушно считают приложением к роману. «В 1831 году Пушкин внес еще одно, уже последнее изменение в план «Евгения Онегина». Он еще сократил его, решив выбросить вовсе восьмую главу («Путешествие Онегина»), сделать девятую восьмой, а в приложении к роману дать только «Отрывки из путешествия Онегина»¹⁴. Встречаются и более категорические суждения: «Отрывки из путешествия Онегина» не завершены Пушкиным и не вошли в состав романа»¹⁵.

Подобные мнения вызвали ряд следствий. Отрывки воспринимаются как необязательный и неравноправный привесок к основному тексту, не подлежащий рассмотрению внутри художественной системы романа. Н. Л. Бродский комментирует их на фоне текста бывшей восьмой главы, сознательно смешивая беловые строфы с черновыми¹⁶. Иные переводчики дают вместо основного текста черновик выпущенной Пушкиным главы¹⁷.

Взгляд на «Отрывки из путешествия Онегина» как на приложение уже подвергался сомнению. Г. П. Макогоненко высказал убеждение, что они «не приложение, но композиционный конец романа»¹⁸. Гораздо ранее Ю. Н. Тынянов назвал их «подлинным концом Онегина»¹⁹. Однако оба исследователя не

¹⁴ С. Бонди. Работа Пушкина над «Евгением Онегиным» и изменения в плане романа. В кн.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М., Детгиз, 1960, стр. 252. Слово «приложение» в идентичных по общему смыслу суждениях употребляют Б. В. Томашевский, Д. Д. Благой, А. И. Гербстман, Д. Е. Тамарченко и др.

¹⁵ Г. Поспелов. «Евгений Онегин» как реалистический роман. В сб. ст.: Пушкин. М., ГИХЛ, 1941, стр. 126.

¹⁶ Н. Л. Бродский. Евгений Онегин, роман А. С. Пушкина. Изд. 4-е. М., Учпедгиз, 1957, стр. 334—364.

¹⁷ См. напр.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. В пер. Э. Турсунова. Фрунзе, «Мектеп», 1967.

¹⁸ Г. Макогоненко. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». М., ГИХЛ, 1963, стр. 135.

¹⁹ Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., «Прибой», 1929, стр. 277. Его же. Пушкин и его современники. М., «Наука», 1969, стр. 156.

развили этого тезиса, и важная мысль осталась незамеченной²⁰.

Доказать, что отрывки не приложение и входят в состав романа, можно было бы, сославшись на общий принцип композиционного сцепления. Любая часть произведения, введенная в него позже или извне, или переставленная из одного места в другое, «становится его органической частью, осмысляясь от окружающего ее текста и в свою очередь влияя на его общий смысл»²¹. Но принцип ограничивается «в случаях вставок или изъятий, произведенных автором не из идейно-художественных, а из посторонних соображений или вследствие насильственного вмешательства — скажем, цензуры, личных отношений и т. п.»²².

Пушкин при жизни дважды напечатал «Онегина» целиком (1833, 1837). Уже этот факт заставляет считать роман оконченным, поскольку неоконченные произведения, особенно крупные («Тазит», «Дубровский») поэт обычно оставлял в рукописи.

Испытывающий тягостное давление внешних обстоятельств, Пушкин никогда не издавал своих произведений, искажая их в угоду царю и цензуре. Он не стал переделывать в роман «Бориса Годунова», не выпустил в свет «Медного всадника». Могли поэт навсегда исказить любимое творение? Видимо, нет. Роман писался долго. Изменений в плане и замысле потребовала не цензура, а время.

Исследователи часто ссылаются на письмо П. А. Катенина П. В. Анненкову 24 апреля 1853 года, где Катенин пишет, что в восьмой главе «были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования...»²³. Отсюда делается вывод о вынужденном исключении главы.

Между тем, свидетельство Катенина не допускает категорического истолкования. Он, вероятно, не читал главы; Пушкин лишь рассказывал ему о ней. В воспоминаниях о Пушкине Катенин несколько иначе освещает вопрос. Как видно из вышеупомянутого письма Катенина к Пушкину, он не до конца понял и принял оригинальную структуру «свободного романа». Пушкин не «выкинул» главу, а сократил ее и переставил. Сокращения подверглись и строфы, которые были вполне подцензурны.

²⁰ Ю. Н. Тынянов несколько подробнее развил свою мысль в неоконченной и не напечатанной на русском языке статье «О композиции «Евгения Онегина». О ней написал В. В. Виноградов в предисловии к кн.: «Пушкин и его современники» (публиковалось отдельно в ж. «Русская литература», 1967, № 2).

²¹ Г. А. Гукковский. Ук. соч., стр. 138.

²² Там же.

²³ П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве Пушкина. — Литературный критик, 1940, № 7—8, стр. 231.

Принцип композиционного сцепления, следовательно, действует без ограничений. Фактические обстоятельства не препятствуют считать «Отрывки из путешествия Онегина» полноценной частью романа.

Их квалификация в этом плане опирается также на основные структурные принципы романа: внефабульность, совмещенная действительность автора и героев, фрагментарность, зависящая от графических эквивалентов текста и т. д.

Внефабульное построение «Онегина», которое так не устроило Катенина, было предусмотрено заранее. «Выпуск романа по главам, с промежутками по несколько лет, — совершенно очевидно разрушал всякую установку на план действия, на сюжет, как на фабулу»²⁴. История героев не прерывается лишь между пятой и шестой главами. Автор неизменно выступает в конце всех глав, исключая указанный случай. Выдвижение отрывков из путешествия на границу романа подчеркнуло его внефабульность. Пушкин не стал свой роман «от отступлений очищать». Самым крупным из них он закончил произведение.

Единство «Евгения Онегина» обусловлено образом автора, точнее, образом авторского сознания. Роман движется постоянным переключением из плана автора в план героев и обратно. Планы не отделены друг от друга. Действительность романа — «гибрид: мир, в котором пишут роман и читают его, смешался с «миром» романа; исчезла рама, граница миров, изображение жизни смешалось с жизнью»²⁵.

Отсюда многочисленные «противоречия», являющиеся «художественно значимым структурным элементом»²⁶. Все помнят, что письмо Татьяны у автора:

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу. (VI, 65).

Но в восьмой главе Онегин видит, как изменилась

Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где все наруже, все на воле... (VI, 174).

Кто же бережет письмо: автор или Онегин? Видимо, оба. В плане автора — автор, в плане героев — Онегин.

²⁴ Ю. Н. Тынянов. «О композиции «Евгения Онегина». Цит. по ст.: В. В. Виноградов. О трудах Ю. Н. Тынянова по истории русской литературы первой половины XIX в. В кн.: Ю. А. Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 15. Так же поступил Л. Стерн с «Тристрамом Шенди».

²⁵ С. Бочаров. «Форма плана» (Некоторые вопросы поэтики Пушкина). — Вопросы литературы, 1967, № 12, ст. 118.

²⁶ Ю. М. Лотман. Художественная структура «Евгения Онегина». В сб. ст.: Труды по русской и славянской филологии, IX, Литературоведение. Тарту, 1966, стр. 7.

В совмещенном мире автора и героев создают роман и живут в нем, читают его и в нем появляются. Таков автор, творец и приятель своих героев; такова девушка, увидевшая памятник на могиле Ленского:

И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ременный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза. (VI, 134).

Горожанка внутри и вне фабулы. Как персонаж, она узнала историю гибели Ленского от очевидцев или осведомленных лиц. Как читательница — прочла о печальных событиях в главах, где на мгновение появилась сама, подобно Вяземскому, как-то подсевшему к Татьяне. Читательницу выдает эпизодичность появления, ее исключительность в деревне (она единственная представительница онегинского круга), но всего более характер ее вопросов о дальнейшей судьбе героев, особенно перифразы об Онегине:

И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам... (VI, 135).

Естественно, что на вопросы читателя отвечает автор. «Читатель, к которому обращается Пушкин, сам является участником той жизни, которая служит предметом изображения»²⁷.

Отрывки из путешествия — характерное «противоречие» в структуре романа. Переключение из плана автора в план героя и обратно в них обнажено. Совмещение и несовместимость этих планов выражены в «двойном» времени. В плане автора «Евгений Онегин» заканчивается в 1823 году в Одессе, когда Пушкин в действительности приступил к работе над ним. Создается впечатление, что роман начинается за его концом.

«Евгений Онегин» построен как большой фрагмент. Перерывы повествования, фигуры умолчания в важнейших местах,

²⁷ Г. Винокур. Слово и стих в «Евгении Онегине». В сб. ст.: Пушкин. М., ГИХЛ, 1941, стр. 168.

«пропуски» текста (поэтические эквиваленты) — постоянное явление. «Пропущенные» строфы встречаются во всех главах, кроме третьей и восьмой.

Поскольку глава в «Онегине» — «отчетливо ощутимая структурная единица»²⁸, пропуски возможны и на уровне глав. Как обычно, это означает «не ослабление, а, напротив, нажим, напряжение нерастрченных динамических элементов»²⁹. Можно предположить, что Пушкин хотел осуществить такой пропуск, когда «выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России» (VI, 197). Но, усложняя первоначальный замысел, он впоследствии вынес фрагменты исключенной главы в конец романа. Со слов автора читатель ретроспективно ощущает потенцию текста между седьмой и восьмой главами, получая затем его фрагменты. Казалось бы, законченный, роман неожиданно продолжается.

Теперь по-новому читается заявление Пушкина, что он «решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики» (VI, 197). В связи с предшествующими этим словам похвалами самолюбивому и мнительному ригористу Катенину (похвалами очевидно неумеренными, а потому ироническими³⁰) решение о замене целой главы фрагментами могло быть продиктовано и художественными соображениями.

Будучи фрагментом, «отрывки не только подчеркивают внесюжетное построение, но как бы стилистически символизируют»³¹ роман, манифестируя его как сложную систему поэтических эквивалентов. «Пропуски» и перестановки текста, мнимая неоконченность способствуют легкому и непринужденному движению содержания, оставляя «воздух» между свободно лежащими частями романа. Во многом благодаря отрывкам из путешествия «Евгений Онегин» осуществляется как роман открытых и непредвиденных возможностей.

Композиция отрывков и взаимосвязь с другими частями подтверждают их полноценность и значимость в художественной системе романа. Они не бесформенны, их «отрывочность» строго организована. Отрывки состоят из четырех частей: прозаическое вступление со стиховой вставкой в середине; путешествие героя, включающее прозаические строки и сокращения строф; «таврические» и «одесские» строфы. Здесь будет рассмотрена только последняя часть.

«Одесские» строфы, отличающиеся внутренним единством и завершенностью, долго находили себе места в «Евгении

²⁸ Г. Винокур. Ук. соч., стр. 175.

²⁹ Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., «Советский писатель», 1965, стр. 47.

³⁰ «...Между Пушкиным и Катениным пропасть, и эта пропасть в той стиховой культуре, которую владеет Пушкин и которую обходит Катенин» (Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 69).

³¹ Там же, стр. 156.

Онегине». Их всего одиннадцать (последняя представлена лишь одним стихом). Пушкин заканчивает роман рассказом об авторе, обрывая его, как он оборвал в восьмой главе историю Онегина. Истинный финал романа, светящийся упоением и счастьем, не отменяет горестно-щемящего финала восьмой главы, но, взаимодействуя с ним, создает сложное, трагически-просветленное (амбивалентное) звучание.

Переорганизовав композицию романа, Пушкин восстановил гармоническое соответствие его начала и конца. Он сделал это не столько введением письма Онегина, уравновесившим лишь фабулу, сколько переключкой и взаимоотражением «Дня Онегина» (1 глава) и «Дня автора» (отрывки). «Дни» героев стали двумя композиционными опорами произведения.

Петербург и Одесса, север и юг, зима и лето. На фоне контраста отчетливо видно, что «дни» построены по единому плану: пробуждение, прогулка, ресторан, театр. Отдельные несовпадения в плане, «вторжения» автора в «День Онегина» особенно значимы, выявляя близость и «разноту» героев.

Оба «дня» начинаются словом «бывало», что подчеркивает длительность и повторяемость ситуаций. Онегин расслаблен и вял, просыпается «за полдень», долго лежит в постели. Автор просыпается с восходом солнца. Полный энергии, он немедля спешит к морю.

Одинокий Онегин «гуляет на просторе» в санях, не обращая внимания на окружающее и дожидаясь лишь звона брегета. Автор гуляет пешком, он внимателен к реалиям, которые его окружают:

Уж благосклонный

Открыт Casino; чашек звон

Там раздается; на балкон

Маркер выходит полусонный

С метлой в руках и у крыльца

Уже сошлись два купца. (VI, 203).

Онегин едет в ресторан; обед изыскан и прихотлив; чувствуется ритуал («Вошел: и пробка в потолок...»). Автор беспечно глотает в ресторации Цезаря Отона устриц, «Затворниц жирных и живых, / Слегка обрызгнутых лимоном», запивая их легким вином.

Евгений зевает в театре. Его не трогают балеты Дидло, исполненные «живости воображения и прелести необыкновенной» (примечание автора, продолжающее сопоставление героев). Он опаздывает на спектакль и уезжает, не досмотрев до конца. Автор торопится в оперу, он очарован «упоительным Россини», присутствием юной негоциантки.

Онегин, взлетев по мраморным ступеням, растворяется в однообразной пестроте бала (вместо бала Онегина ретроспек-

тивно, как бы из Одессы, описываются балы автора)³². Праздничная поющая толпа несет автора через площадь — «при блеске фонарей и звезд» — в тишину черноморской ночи.

«Дни» героев протекают в особом «карнавальном времени»³³, выключенном из обычного, в легкой и прихотливой смелости событий. Параллельно существует неотменная серьезность деловых отношений:

Встает купец, идет разносчик (I глава).

Идет купец взглянуть на флаги (отрывки).

Свободный Онегин прикован к своей карнавально-бесцельной жизни. Веселья нет; смех заменен скепсисом; «это как бы карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием своей отъединенности»³⁴. Карнавал Онегина призречен и приводит не к возрождению, а к духовному опустошению. Возрождение начнется позже.

Ссылный автор свободно владеет своим творческим даром. Его внешне рассеянная жизнь — источник впечатлений и дум, которые перельются в роман, творимый в Одессе. Карнавал автора плодотворен и возрождает.

Одесса возникает в чертах истинной карнавальности. Автор постоянно слит с экзотической толпой, наполняющей улицы, площади, ресторации, театр. Беззаботное царство веселой относительности, фамильярный контакт всего со всем, гротескные сдвиги — такова Одесса Пушкина.

Но солнце южное, но море...

Чего ж вам более, друзья?

Благословенные края!

Но мы, ребята без печали...³⁵

Лишь на ходулях пешеход

По улице дерзает вброд;

Кареты, люди тонут, вязнут,

И в дрожках вол, рога склона,

Смѣняет хилого коня. (VI, 203, 204, 202). И т. п.

Пушкин не сломал композиции «Евгения Онегина» и не обеднил своего замысла. Он выполнил новое идейно-стилевое задание. «Отрывки из путешествия Онегина» не приложение, а художественно-равноправная часть романа, подвергнутая композиционной инверсии, его истинный конец.

³² Ю. Н. Тынянов усматривает здесь «взаимозаменяемость» героев (А. П. Чудаков. Структура «Евгения Онегина» в свете работ Тынянова. Доклад, читанный на V Пушкинской конференции в Пскове в 1969 году).

³³ См. известные работы М. М. Бахтина о Достоевском и Рабле.

³⁴ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., «Художественная литература», 1965, стр. 44.

³⁵ Эта калька с французского — *enfantssans souci* — совершенно в карнавальном стиле. «Ребята без печали» — название средневекового шутовского общества.

Такому прочтению, казалось бы, препятствуют авторские примечания к роману, сигнализирующие, что произведение заканчивается перед ними. Но примечания также могут рассматриваться внутри художественной системы романа. Об этом свидетельствует их позиция в окружении художественного текста, которым они усваиваются³⁶.

Примечания распространились в русской литературе в XVIII веке и в духе рационалистической эстетики приобрели в основном поучающе-объяснительный характер. Писатели пушкинской поры К. Рылеев, А. Бестужев-Марлинский, В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, Н. Гнедич и др. любил снабжать свои произведения историческими, этнографическими, мифологическими примечаниями, также имевшими просветительное назначение. «Примечания, пояснительные к неизвестным словам и названиям — прием общий и прозе и стихам того времени»³⁷.

Пушкин следует установившейся традиции лишь внешне. Уже примечания и прибавления к «Кавказскому пленнику» и «Бахчисарайскому фонтану» носят характер дополнительных сведений и порой сложно соотносятся с текстом, семантически обогащая его. «Примечания эти интересны, как прямой ввод читателя в методы работы, как обнаружение прозаических материалов и связывание стиха с ними»³⁸. По Ю. Н. Тынянову, Пушкин в «Онегине» делает примечания «средством полемики с критикой и пародирует самый метод»³⁹.

Примечания к «Евгению Онегину» необычны по функции и сложны по составу. Они не столько объясняют, сколько соотносятся с текстом, не сужают смысл, а расширяют его. Примечания продолжают и развивают тематические линии романа. Обращая внимание на позицию крупных стиховых кусков, можно предположить намеренное распределение материала. Предлагаемая таблица показывает, что примечания поддаются классификации, неизбежно условной в силу сложного семантического взаимодействия между ними (см. стр. 30). Литературные мотивы очевидно преобладают. Объяснения слов, открывающие примечания и рассеянно возникающие в конце, занимают совсем мало места.

Примечания тематически взаимозаменяемы со стиховым текстом. Стихи о «бедном слоге», который

³⁶ Ю. М. Лотман в докладе «К проблеме пушкинского диалога», читанном на V Пушкинской конференции в Пскове в 1969 г., говорил о диалогических отношениях текста и нетекста, при которых нетекст втягивается в текст. Примерами служили примечания к поэмам Пушкина.

³⁷ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 141.

³⁸ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 141.

³⁹ Там же.

№№ разряд	Название или содержание разделов и подразделов	№№ примечаний
I	Литературные вопросы	
	1. Авторы и герои произведений, их оценки	14, 18, 19, 22, 26, 41
	2. Возражения на критику	17, 23, 24, 31, 32, 33, 36
	3. Цитаты в прозе или указания на их источник	6, 12, 15, 16
	4. Чужие стихи или указания на их источник	8, 9, 20, 27, 28, 29, 34, 35, 38, 42
	5. Авторские стихи или пояснения к стихам текста	5, 7, 25, 40, 43
	6. Литературная жизнь	21
II	Объяснения слов	2, 3, 4, 37, 39, 44
III	Этнографический комментарий	13, 30
IV	Указание на место работы над строфой	1, 10
V	Отсылка к другому изданию романа	11

Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами (VI, 16),

легко представить в прозаическом изложении. То же можно сказать о стиховом комментарии к слову vulgar (VIII глава, строфы XV—XVI). С другой стороны, примеч. 31 о коренных русских словах могло быть написано в стихах. Мнение о балетах Дидло переводится на язык рифм. Примеры можно без труда увеличить.

Стиховой текст и примечания перекликаются. В примеч. 14 читаем: «Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов». В стиховом тексте:

И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон... (VI, 55).

В примечания включены чужие и свои стихи в качестве тематических и стиливых вариаций. Картина белой ночи в Петербурге (I глава) подхвачена в примечаниях отрывком из идиллии Н. Гнедича «Рыбаки», который усваивается пушкинским текстом, оставаясь в то же время самим собой⁴⁰. В стиховом тексте Пушкин развертывает различные варианты возможной судьбы Ленского, а в примечаниях — различные варианты окончания шестой главы. Примечания — отвод материала в сопоставительный план со сложной системой не прямых значений.

Стиливые принципы романа в стихах продолжены в примечаниях. Сдвигая их традиционное назначение, Пушкин под видом «наблюдения строгой благопристойности» окрашивает

⁴⁰ Любопытно, что Пушкин процитировал отрывок в первой редакции, сделал ее таким образом более известной, чем канонический текст Гнедича.

текст иронией и пародией. Благодаря пародической стилизации возникает образ примечаний⁴¹.

К строфе XLII главы первой, конец которой приводится:

К тому ж они (дамы — Ю. Ч.) так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*⁷ (VI, 22) —

Пушкин сделал следующее примечание:

⁷ Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV. (VI, 191). И т. д.

Пушкин умножает иронию, выдав порицание под видом похвалы за похвалу под видом порицания, усложняет ее, упомянув Буало и Людовика. За текстом стоит наведение на «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна:

... и наши дамы все так целомудренны, так безупречны, так добры, так набожны — шуту там решительно нечего вышучивать⁴².

По поводу стихов из сна героини:

Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью... (VI, 106) —

поэт оправдывается (примеч. 32):

Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность. (VI, 194).

Но «оправдание» оборачивается озорным акцентом.

В примечании к стиху «Бренчат кавалергарда шпоры» (I глава), оставшемуся в черновике, пародийность демонстративно обнажена⁴³:

Неточность. — На балах кавалергард<ские> офицеры являются так же как в прочие гости в виц мундире в башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В. (VI, 528).

⁴¹ Примечаниям к «Евгению Онегину» предшествовали стилизованные эскизы в «Подражаниях Корану» (1824) и особенно в «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825). Пушкин, вероятно, использовал богатый опыт пародийной стилизации, идущий от Ренессанса, а позже от Вольтера, Стерна и др.

⁴² Л. Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., «Художественная литература», 1968, стр. 618.

⁴³ Возможно, поэтому оно и не вошло в примечания к отдельному изданию первой главы, а впоследствии не сошло с литературными мотивами основного текста.

Пародируя критиков-буквалистов, от которых он столько терпел, Пушкин поправляет сам себя, затем опрокидывает поправку, сталкивая фактическую достоверность и поэтическую свободу. Ирония направляется сразу в несколько адресов; противоречие не устраняется, а подчеркивается.

Примечания представляют, как и в стиховых строфах, ступенчато построенный образ автора, выступающего то подлинным творцом-демиургом, то наивным и простоватым рассказчиком. Творец знает, что у него «в ...романе время расчислено по календарю» (примеч. 17). Простак признается по поводу строки из Данте: «Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха» (примеч. 20).

Слова, которые, по видимости, объясняются, воздействуют на читателя, скорее, стилистической окраской. Иностранная лексика как бы выделяется стилистическим курсивом: «Dangu, фронт» (примеч. 2), «Шляпа à la Volivag» (примеч. 3), «Известный ресторатор» (примеч. 4 к фамилии Talon). Кстати, рестораторов Пушкин никогда не забывает представить.

Стиховой текст и примечания, взаимоосвещаясь и переливаясь друг в друга, придают «Евгению Онегину» ощущение достоверности, документальности, сиюминутности. Примечания подчеркивают, что роман построен в зоне контакта с незавершенной современностью, что он осуществляется как «отождествленный мир романа и жизни»⁴⁴.

Примечания служат также «паузой» между двумя финалами романа, активизируя возвратные ассоциативные силы композиционного сцепления. Дистанция между восьмой главой и отрывками помогает дальнедействию сцепляющих сил, которые, преодолевая «сопротивление» примечаний и слова «конец» после восьмой главы, сопрягают оба финала в нерасторжимое семантическое единство.

* *
*

В результате предлагаемого прочтения «Евгения Онегина» устанавливается состав его текста, равноправного и полноценного в художественном отношении: восемь глав, примечания и отрывки из путешествия. «Десятую главу» не следует печатать сразу после отрывков. Пушкин построил текст, воссоздающий принцип неоконченности, но роман окончен.

Началом текста является эпиграф на французском языке. Взаимодействуя с посвящением, перенесенным из примечаний, он предвосхищает некоторые структурно-семантические принципы романа: столкновение стиха и прозы, соотношенность Онегина и автора. Последняя строка романа, конечная граница текста:

Итак, я жил тогда в Одессе...

⁴⁴ С. Бочаров. Ук. соч., стр. 130.

Она открывает роман в будущее, в непредвидимое движение содержания за пределы текста, и композиционно завершает его, обращая к началу, к его первым строфам, «писанным в Одессе» (примеч. 10).

Изучение структурных принципов «Евгения Онегина» не только помогает интерпретировать отрывки и примечания как содержательно и композиционно равноправные части текста, но и нуждается в такой интерпретации, чтобы полнее ориентироваться в сложном построении романа. «Онегин» все более осознается как ироническая композиция с свободной игрой возможностей. Вот почему еще долго не стихнут споры о судьбе героев и о замысле Пушкина.

«Евгений Онегин» не только действительность авторского сознания. Пушкин взял уровнем выше, создав художественную модель универсального иронического сознания, субъектом которого может стать любой читатель романа. Автор, герои, читатели взаимозаменяемы в структуре «Онегина». Благодаря этому читатель чувствует себя свободно в действительности романа и, глядя сквозь его «магический кристалл», постигает мир с множественной точки зрения, то есть наиболее глубоко и верно.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. № 434

ПУШКИН
И
ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

ПСКОВ · 1970